

ЗАПАД ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

(Основные тенденции формирования
внешнеполитических стереотипов в 30-х годах)

Представления о внешнем мире, бытующие в обществе на разных этапах его истории, являются важной составляющей массового сознания. Они могут играть, особенно в кризисные эпохи, значительную роль в формировании общественного мнения, а косвенно — в определении внутренней и внешней политики. Тем не менее в отечественной историографии до последнего времени им почти не уделялось внимания¹. Только недавно появились первые статьи, в той или иной степени затрагивающие эту тему и относящиеся в основном к советскому периоду истории, однако практически все они посвящены истории внешнеполитической пропаганды².

Лишь в статье В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара ставится вопрос о результатах воздействия пропаганды на массовое сознание применительно к послевоенному периоду. Но и там основное внимание уделено организации пропагандистских кампаний, “изучению взаимовлияния внешней и внутренней политики СССР в условиях “холодной войны”, факторов формирования конфронтационного мышления”³. С другой стороны, в недавно изданных, очень интересных монографиях о массовом сознании советского общества практически отсутствуют сюжеты, связанные с образом внешнего мира⁴.

Данная статья представляет собой первую попытку освоения этой сложной проблемы. Речь в ней пойдет не только о пропагандистских стереотипах, но и о том образе Запада, который реально существовал в восприятии различных социальных слоев советского общества, прежде всего его политической и интеллектуальной элиты. Воссоздание даже относительно полной картины потребует многолетнего анализа огромного массива разпыленных и разрозненных источников; на данном этапе можно лишь наметить основные тенденции и пути дальнейших исследований.

* * *

В массовом сознании, как известно, господствует его древнейший тип, получивший в литературе название *мифологического*. Уже само название предполагает, что этот тип сознания относится к отдаленному прошлому. Действительно, лучше всего он исследован в трудах, посвященных первобытному обществу на разных стадиях его развития (это ставшие классическими работы К. Леви-Стросса, Дж. Фрэзера, Э. Кассирера и многих других). Однако этот тип сознания не только сохранился, но продолжает доминировать в массовом сознании, оказывая реальное воздействие на современную историю, особенно в XX в., когда заметно возросло влияние масс на социально-политические процессы.

Большинство исследователей охотно признают наличие мифологем в современном сознании⁵. Важнее, однако, что сохраняются качественные особенности

* Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта “Восприятие иной культуры: Запад глазами русских в межвоенный период”. Грант предоставлен Международным научным фондом.

и механизмы формирования представлений, свойственных этому типу сознания. На него опирались все массовые движения самого различного вида и политической ориентации, в том числе и в XX в.⁶

В отличие от рационального типа сознания, для которого характерно следование законам логики, построение системы доказательств, выводы, возможно, ошибочные, но основанные на изучении реального мира и реального человека и поддающиеся проверке, мифологическое сознание конструирует свой мир, существующий и развивающийся по собственным законам. Оно ассоциативно, эмоционально, отличается авторитарным характером, что, как правило, исключает сомнения и самостоятельный поиск истины. Для этого типа сознания характерно стремление опираться на веру, а не на знание.

Для мифологизированного сознания мир предстает в сильно упрощенном виде, как арена борьбы светлых и темных сил. Все его многообразие рассматривается в черно-белом свете, лишается полутонов. При этом окружающий мир за пределами непосредственно освоенной территории — внешний мир, например, за границами данного государства, воспринимается как зона опасности, где действуют и господствуют силы, враждебные человеку⁷.

Одной из основных форм восприятия окружающей реальности, свойственной мифологизированному сознанию, являются стереотипы, т. е. упрощенные, устойчивые, эмоционально окрашенные представления о внешнем мире, основанные, как правило, не на личном, а на групповом опыте. Американский исследователь У. Липпман определил их как “упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой „картинки мира“ в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права”⁸.

Вообще, стереотипы выполняют важные функции: они способствуют селекции и структурированию поступившей извне информации, и одновременно помогают сохранять определенную стабильность восприятия. Именно поэтому их роль возрастает в кризисные эпохи, когда поток информации резко увеличивается, а возможности ее рационального осмысления соответственно снижаются.

Вместе с тем значение стереотипов как для отдельного человека, так и для целых социальных групп непосредственно зависит от личного или группового опыта освоения действительности. Чем больше подобный опыт, тем меньше вероятности, что когда-то усвоенные в процессе социализации стереотипы останутся неизменными (хотя нельзя не отметить, что они обладают высокой жесткостью и устойчивостью). С другой стороны, если личный опыт невелик или полностью отсутствует, весь процесс освоения информации может сводиться к воспроизводству готовых стереотипов и стереотипных реакций.

Как правило, личный опыт человека оказывается минимальным как раз тогда, когда речь идет о восприятии внешнего мира, иных стран, этносов, не живущих в непосредственной близости от него. Недостаток информации приводит к тому, что в этом случае действуют именно воспринятые в готовом виде стереотипы, получившие наименование “этнических”.

Необходимо, впрочем, заметить, что определение “этнический” сужает смысл понятия, так как стереотипы внешнего мира включают в себя помимо представлений о национальном характере, обычаях, образе жизни также представления о политическом строе, социально-экономической и политической ситуации в данной стране, о ее культуре, и т. д. Кроме того, в советском обществе представления о внешнем мире были в значительной мере политизированы, поэтому в данной статье используется (хотя и не бесспорный) термин “*внешнеполитические стереотипы*”.

* * *

Политический режим, сформировавшийся в СССР к концу 30-х гг., обладал рядом черт, позволяющих отнести его к числу так называемых тоталитарных режимов (при всей условности этого определения). Важнейшими из этих черт

можно считать стремление к максимальному контролю над всеми сторонами жизни общества и личности и одновременно способность создавать массовую поддержку, что отличает их от обычных диктатур⁹. Для этого использовались различные механизмы, в частности, обязательная для всех идеология, жестко централизованная массовая партия, харизматический вождь, террор, а главное, мобилизация общества или значительной его части для достижения единой общенациональной цели.

Все это привело к тому, что тоталитарные режимы в отличие от авторитарных были ориентированы на политизацию населения. Стремление держаться в стороне от политики, которое приветствовалось традиционными диктатурами, теперь считалось проявлением нелояльности. Уже в первые послереволюционные годы стала формироваться невиданная в истории система учреждений и механизмов пропаганды.

Мифологизированные представления о внешнем мире всегда являлись неотъемлемой частью официальной пропаганды. Мир при этом представлял как арена борьбы между силами добра и зла, точнее, силами прогресса в лице коммунистического и рабочего движения и силами реакции, причем победа первых была исторически предопределена.

Внешний мир — опять-таки по законам мифологического сознания — подсознательно воспринимался как опасная, неосвоенная, “темная зона”, отделенная четкой границей от мира “своего”, привычного, освоенного. Образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Разумеется, актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности “капиталистического окружения” вообще, так и повседневной необходимостью “держатъ границу на замке” — не только для “входа”, но и для “выхода”. И все же сакральный характер государственной границы как грани двух, абсолютно различных миров явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А. С. Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: “Разница огромная, разница во всем, в большом и малом”¹⁰. Подобных примеров можно привести много.

Такое отношение к Западу, разумеется, не было свойственно лишь советскому периоду русской истории. Россия со времен Московской Руси всегда, хотя бы подсознательно, ощущала свою чуждость по отношению к Европе. Именно это ощущение рационализировал Н. Я. Данилевский в своей теории культурно-исторических типов¹¹. Возможно, сама открытость ее огромных границ вызывала подсознательное желание как-то отгородиться от враждебного мира, окружить себя своеобразной “буферной зоной” — не только в военном, но и в культурном отношении. Отсюда — постоянные попытки представить себя центром если не мира в целом, то некоей сравнительно небольшой общности вокруг собственных границ, например, “мира православного”, позднее — “мира славянского”, еще позднее — “социалистического лагеря”.

Уже в 1920-х гг. пропаганда была ориентирована на создание “правильной” картины мира. Задача эта облегчалась тем, что еще в первые годы советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства массовой информации. Но в этот период позитивные, лишенные идеологической окраски знания об окружающем мире рассматривались как важная часть общего образования и культуры и в этом качестве — как средство успешного строительства социализма. В то время, например, в пропаганде всячески подчеркивалась необходимость заимствования западного опыта не только в области техники, но и в области культуры и быта.

Однако стремление представлять в средствах массовой информации в какой-то мере объективную картину внешнего мира, в первую очередь Запада, приводило к тому, что в массах стали распространяться весьма нелестные для

существующего режима оценки и сравнения. Так, крестьянин из Орловской губернии в январе 1927 г. писал в “Крестьянскую газету”: “Америка придет к социализму по другим рельсам, а именно: при такой высокой культурной образованности и достигнутой неслыханной технике, хотя и пишут, что там давят тиски рабочий класс, но, обратно, читали, что там работают по всем отраслям машины, а рабочие управляют ими. А рабочий класс живет, пользуется всевозможным комфортом роскоши, что наши буржуи...”¹² Были случаи, когда внешнеполитическая пропаганда имела не только неожиданный, но прямо обратный эффект.

В целом отличительной чертой массового сознания 1920-х гг. явилась поляризация представлений о внешнем мире, сопоставимая с поляризацией внутрисполитических позиций. Если для одних образ вчерашних союзников и Запада в целом, в соответствии с мифологией официальной рисовался исключительно в мрачных тонах, то для других Запад представлял в виде зеркальной альтернативы всему происходящему в СССР, но уже с положительным знаком. И тот, и другой образ были одинаково далеки от реальности. Тем не менее, как уже отмечалось, внешнеполитическая пропаганда содержала большое количество нейтрального, достоверного фактического материала, степень закрытости общества была заметно ниже, чем в последующий период. Многие социальные группы обладали личным опытом восприятия Запада и вследствие этого сохраняли иммунитет к пропаганде. Но постепенно ситуация стала меняться.

В конце 1920-х гг. система международной информации стала быстро идеологизироваться. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали идеологемы, “возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к “чужим” идеологическим и политическим ценностям”¹³.

Практика отбора информации подвергалась резкой критике за “безыдейность”, недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему, внимание, уделяемое интересным, выигрышным с точки зрения журналистики, но непринципиальным в политическом отношении деталям. В августе 1930 г. Агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу постановки иностранной информации в печати. По мнению его участников, в тот момент состояние внешнеполитической информации оставалось совершенно неудовлетворительным. Ей уделялось мало места, изложение не всегда учитывало уровень читателей, а главное, “освещение отдельных фактов международной политики и интернациональной классовой борьбы носит преимущественно отрывочный характер и не увязывается со всей системой крупных процессов, происходящих в капиталистических странах”. Постановление, принятое на совещании, требовало “в максимальной мере использовать те возможности в области углубленного показа отрицательных сторон капиталистической системы и условий революционной борьбы рабочих и колониальных и полуколониальных народов, которые представляет широко, систематически поставленная, надлежащим образом комментированная и обработанная внешняя информация”¹⁴.

Усиливались как цензура, так и централизация в области средств массовой информации (впрочем, как и в других областях)¹⁵. Постепенно советские средства массовой информации, по образному выражению английского историка Дж. Хэслама, превращались “в тщательно отделанную призму, сквозь которую русские поглядывали на внешний мир”¹⁶.

Представления о внешнем мире, как известно, складываются на основе нескольких информационных блоков¹⁷. Один из них — “историософский” — предполагает наличие сведений об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но даже, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность

массовых представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственным иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

Второй важнейший блок — “политико-информационный” — составляют сведения о политической, социальной, культурной современной жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким контролем.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Степень закрытости общества постепенно возрастала. Лишь незначительная часть “политически благонадежных” советских граждан могла выезжать за рубеж, причем, как правило, речь шла о служебных командировках. Частные поездки были строго ограничены; так, например, для членов ВКП(б) требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного или районного комитета, губернского комитета и в качестве окончательной инстанции — одного из девяти крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б)¹⁸.

С другой стороны, в 20—30-х гг. СССР посетило всего 100 тыс. иностранцев, т. е. примерно 5 тыс. человек в год¹⁹. При этом принимались меры, чтобы ограничить общение с ними не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься иностранцами “по долгу службы”. Так, в ноябре 1940 г. на предложение руководства Всесоюзного общества культурной связи (ВОКС) взять на себя работу с иностранными корреспондентами последовал следующий ответ начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова: “Зам. наркоминдела тов. Вышинский считает нецелесообразным развивать широкое знакомство и общение иностранных корреспондентов с советскими гражданами. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает соображения тов. Вышинского”²⁰. Даже в годы войны, когда существовала антигитлеровская коалиция, эта позиция не изменилась. Выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 г., секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А. С. Щербаков заявил: “Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы *должны быть только с разрешения и ведома руководства*” (курсив мой. — А. Г.)²¹.

Правда, к началу 30-х гг. в СССР находилось примерно 20—30 тыс. иностранных специалистов и рабочих, а также политэмигрантов. Но их круг общения был ограничен, к тому же, они концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации. Таким образом, официальная пропаганда, независимо от того, как оценивали потребители ее достоверность, оставалась для большинства населения основным источником сведений о внешнем мире.

Какие же основные представления о Западе предлагала пропаганда? Можно говорить о достаточно устойчивом наборе долговременных, повторяющихся стереотипов, сложившемся в первой половине 1930-х гг. и с некоторыми изменениями сохранившемся в пропаганде до начала 1980-х. При этом в момент своего возникновения эти стереотипы в какой-то степени соответствовали реальности, но затем полностью оторвались от нее.

Необходимо подчеркнуть, что внешнеполитическая пропаганда отнюдь не сводилась к редактированию сообщений из-за рубежа и комментариям к ним. Напротив, она могла принимать самые неожиданные формы; так, в популярной брошюре о шахматах, вышедшей в 1932 г., в предисловии подчеркивалось, что “за границей в капиталистических странах шахматы доступны главным образом лишь образованным людям, а рабочий класс и крестьянство пока не имеют доступа в шахматные кружки. *Буржуазным правительствам политически не-*

выгодно, чтобы угнетенный народ занимался шахматами и на их базе создавал свои классовые организации” (курсив мой. — А. Г.)²².

В условиях мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. советская печать широко освещала действительно имевшие место факты резкого ухудшения положения широких масс, роста безработицы и социальной напряженности, массового разорения крестьянских хозяйств за рубежом. Впрочем, уже тогда желаемое часто выдавалось за действительное; так, в своей речи на XVII съезде И. В. Сталин приводил данные о том, что с 1933 г. в развитых капиталистических странах начался по сравнению с 1930—1932 гг. постепенный рост производства, и тут же, через несколько абзацев, утверждал, что “в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах”²³.

Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся (к нему было лишь добавлено определение “относительное”) и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае, со временем заменив собой идею “мировой революции”.

При этом выбирались весьма осторожные формулировки. Так, в уже цитированном докладе Сталина на XVII съезде говорилось: “Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс — в этом едва ли может быть сомнение”²⁴. Очевидно, что “идея штурма” могла “зреть в сознании масс” бесконечно долго.

Постепенно в пропаганде утверждалось мало соответствующее реальности представление о том, что СССР является одним из основных мировых “центров притяжения”. Англия и Америка, как говорил Сталин еще на XIV съезде в 1925 г., выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, а СССР — для рабочих Запада и революционеров Востока²⁵. Одновременно создавался образ СССР как позитивной альтернативы Западу. “Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства”, — заявил Сталин на XVII съезде²⁶. При этом всячески обыгрывался реальный подъем жизненного уровня в середине 30-х гг. по сравнению, например, с 1931 г. *Относительный* подъем жизненного уровня расценивался в пропаганде как *абсолютный*.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле в 1930-х гг. даже в европейских делах западные страны предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала меняться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были преуменьшать. Несомненно существовавшие в политике капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не были определяющими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Советская же пропаганда постоянно подчеркивала решающее влияние Советского Союза на всю систему международных отношений. Как писали “Известия” 29 июля 1931 г., СССР благодаря его размерам, социальной структуре и уровню развития являлся могущественной силой на мировой арене. “Советский Союз превратился в могучую социалистическую державу, оказывающую огромное воздействие на весь ход международного развития”, — утверждалось, например, в брошюре, изданной Наркоматом обороны и предназначенной для системы марксистско-ленинской учебы командного состава²⁷.

Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений советской культуры. В 1920-х гг. в официальной пропаганде довольно часто встречались утверждения о культурной отсталости Советской России и необходимости догнать в этом отношении Запад. Об этом неоднократно говорил В. И. Ленин.

Максим Горький в 1930 г. предлагал работавшему тогда в Париже Н. Валентинову написать очерки французского быта и так подчеркивал важность своей просьбы: “Очерки европейского быта нам крайне важны. Быт наш тяжек, нездоров, полон азиатских наслоений. Нужно его чистить и чистить. Корректуру в него может внести знание Европы и европейской жизни”²⁸. Но уже в 30-х гг. ситуация резко меняется.

Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда основной упор стала делать на успехах в области культуры вообще и политической культуры в частности. К. Е. Ворошилов, выступая на I съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г., говоря о политике в области культуры, заявил: “Мы достигли в этом отношении огромных успехов, говорю без всякого преувеличения. Вряд ли найдется много таких крестьян в Европе и Америке, которые бы вышли на трибуну и без единой запиночки произносили длинные хорошие речи о строительстве новой жизни, нового человеческого общества. Политически мы достигли очень больших высот. Политически мы выросли, но материальная культура у нас еще очень слаба. Она может *вырасти до уровня нашей духовной культуры* (курсив мой. — А. Г.) только через социалистический организованный труд, только через создание все новых и новых материальных ценностей”²⁹.

Прошло еще некоторое время, и в одном из служебных документов ВОКС 1938 г. появилось утверждение, что советская пропаганда недооценивает успехи советской культуры. “Из всех многочисленных и разнообразных областей культурной жизни, в которых СССР благодаря своим непрерывным новым завоеваниям и достижениям бесспорно идет впереди всех зарубежных стран, нужно назвать раньше всего театральное искусство, кинематографию, музыку, народное творчество, литературу, педагогику и медицину”, — безапелляционно подытоживал автор документа³⁰. А в майском номере “Большевика” за 1941 г. утверждалось, что уже к концу второй пятилетки “промышленность СССР перегнала главные капиталистические страны по уровню техники”³¹.

В результате, как отметил известный французский писатель А. Жид, побывавший в СССР в 1935 г., стали обычными, особенно среди молодежи, утверждения о том, что за границей учиться уже нечему³².

Важное место в создаваемой картине мира занимал тезис о “капиталистическом окружении”, которое рассматривалось одновременно как раздираемое противоречиями и единое в своей враждебности к СССР. В середине 30-х гг. в речах некоторых советских лидеров (С. М. Кирова, М. М. Литвинова, опального к тому времени Н. И. Бухарина) проводилось разграничение между “пацифистскими” и “агрессивными” державами, но чаще западный мир в речах и выступлениях представителей руководства представлялся как враждебное СССР единое целое. Выступая от имени Исполкома Коминтерна на XVII съезде ВКП(б), Д. З. Мануильский заявил: “Империалистическая война стоит в порядке дня всех капиталистических правительств мира. Об этом свидетельствует тот факт, что в ряде капиталистических стран пришли к власти крайние военные партии, — я имею в виду Японию, Германию, Англию (так! — А. Г.)... На международной арене уже налицо канун войны между империалистами, налицо особенно настойчивая, торопливая подготовка контрреволюционной войны против Страны Советов”³³.

С середины 30-х гг. во внешнеполитической пропаганде появляются новые, антифашистские мотивы. Первоначально они возникли как реакция на антисоветскую кампанию, развернутую в Германии после прихода Гитлера к власти. В декабре 1935 г. М. М. Литвинов подал на имя Сталина секретную записку, в которой предлагал “дать нашей прессе директиву об открытии систематической контркампании против германского фашизма и фашистов”³⁴. Интенсивность этой кампании то ослабевала, то усиливалась в зависимости от ситуации. Особенно резкие повороты в советской пропаганде происходили после начала Второй мировой войны³⁵.

Эти и другие стереотипы настойчиво внедрялись в массовое сознание. Однако какова была эффективность подобной пропаганды? Как преломлялись те или иные ее положения в массовом сознании вообще и в сознании отдельных социальных групп в частности? Очевидно, что ответить на данные вопросы очень не просто, но эти ответы гораздо важнее, чем характеристика официальной пропаганды.

* * *

Сейчас принято говорить о трех основных стратах, по-разному воспринимающих внешнеполитическую информацию. Это — политическая и интеллектуальная элиты и массы ³⁶. Деление основано на двух критериях — уровне доступа к информации, зависящем как от возможности, так и желания получать ее, и способности данной страты влиять на формирование внешнеполитических представлений в обществе в целом.

При всей условности этого деления, его можно принять за основу, хотя и с одной существенной оговоркой. Если политическую и интеллектуальную элиты выделить не так уж трудно — здесь критерием служит роль представителей этих страт в процессе принятия решений, и они отличаются определенной степенью гомогенности, то “массы” распадаются на множество самых различных социальных групп и слоев. По отношению к внешнеполитической информации, однако, можно выделить лишь одну группу — ту часть общества, которая проявляет в той или иной форме политическую активность ³⁷. Эту неустойчивую, с размытыми границами страту можно условно определить как “общественность”. В нее входят люди, не принадлежащие ни к политической, ни к интеллектуальной элитам, которые в силу различных обстоятельств имеют как определенные возможности доступа к внешнеполитической информации и стремление их использовать, так и некоторое влияние на формирование общественного мнения. Это — низовые функционеры политических партий и движений (в СССР — низший слой функционеров ВКП(б)), общественных организаций, профсоюзов, большая часть интеллигенции и т. д.

Разные социальные группы, помимо прочего, различаются уровнем мифологизации своих представлений о внешнем мире. Как правило, политическая, и в еще большей степени интеллектуальная элиты в целом отличаются рациональным подходом, в то время как “общественность” и массы в основном используют готовые стереотипы. В советском обществе, однако, картина была несколько иной. Уровень мифологизации был высок во всех стратах, в частности и в политическом руководстве.

Люди, пришедшие к власти в 1917 г., были выходцами из различных слоев общества, в том числе из тех, которые обычно не участвуют в формировании политической элиты. Они принесли с собой устоявшиеся представления и стереотипы, характерные для этих слоев, сохраняя при этом старые связи и контакты, испытывая определенное влияние привычной социальной среды.

Верхушку новой элиты составили профессиональные революционеры, которых, при всех личных различиях, объединял далекий от нормального жизненный опыт — тюрьмы, ссылки, подполье, эмиграция. Участие в революционном движении, требовавшее многим пожертвовать для него, вырабатывало определенный тип мышления. Еще Н. А. Бердяев подчеркивал, что революционером может считаться тот, “кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее” ³⁸. И далее: для коммуниста “мир резко разделяется на два противоположных лагеря — Ормузда и Аримана, царство света и царство тьмы без всяких оттенков. Это почти манихейский дуализм, который при этом обыкновенно пользуется монистической доктриной” ³⁹.

У той части большевистской элиты, которая прошла эмиграцию, представления о Западе были достаточно разносторонними и адекватными, хотя и у них существовала определенная аберрация восприятия, связанная с наличием “цен- 111

тральной идеи” — идеи революции, часто заставлявшей принимать желаемое за действительное. Но в 1930-х гг. именно эта часть большевиков оказалась вытесненной из высших эшелонов партии. Старые большевики как таковые еще могли занимать те или иные высокие посты (например, В. М. Молотов). Но бывших политэмигрантов не было ни в Политбюро, ни на ключевых постах в правительстве. Единственным и вполне объяснимым исключением был М. М. Литвинов. Более того, в декабре 1931 г. в беседе с немецким писателем Э. Людвигом Сталин (сделав, правда, исключение для Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, “конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты”, и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырех жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, “пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода...”⁴⁰.

Новое поколение политических лидеров, выдвинувшееся в годы Гражданской войны, приобрело “устойчивый конфронтационный стереотип массовой психологии, не подвергавший сомнению факт военной угрозы стране, а потому — необходимости военной организации и дисциплины во всех социальных структурах”⁴¹. Можно привести этому множество примеров, но ограничимся одним. В 1921 г. М. Н. Тухачевский писал В. И. Ленину о так называемой “милиционной системе” и делал вывод: “нам никакого дела нет до того, какая армия выгоднее в мирное время, так как такого времени у нас не будет”⁴².

У этого поколения лидеров общие представления о внешнем мире сводились к нескольким марксистским формулам и общим стереотипам. Г. В. Чичерин так характеризовал их в письме к Сталину в июне 1929 г.: “Буддийские деревянные мельницы молитв, то есть механически пережевывающие заученные мнимореволюционные формулы товарищи...”⁴³.

Но даже и это поколение в значительной мере было вытеснено в ходе репрессий 30-х гг. Сменившие их “выдвиженцы” совсем уже не были обременены ни теоретическими знаниями, ни общим образованием, ни представлениями о реальном мире. С декабря 1934-го по февраль 1941 г. в составе Политбюро ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с законченным высшим образованием. Еще более разительная картина открывалась на других уровнях управления. По данным ЦК, в 1937 г. среди секретарей обкомов высшее образование имели 15, 7%, низшее — 70, 4%; у секретарей окружкомов соответственно—16, 1 и 77, 4%; у секретарей горкомов — 9, 7 и 60, 6%; райкомов — 12, 1 и 80, 3%⁴⁴. При этом по сравнению с первыми послереволюционными годами заметно снизилась доля получивших гуманитарное, юридическое, экономическое образование. Большей частью представители нового поколения руководства имели техническое (28, 3%), военное (25%), партийное (15%) образование⁴⁵.

Незнание Запада для этого поколения руководителей считалось само собой разумеющимся. Судя по мемуарам Н. С. Хрущева, он, будучи уже членом Политбюро и руководителем крупнейшей, притом пограничной союзной республики — Украины, практически не интересовался происходящим за границами СССР, а всю информацию черпал из обзоров западной прессы или разговоров с коллегами по Политбюро, определявшими внешнюю политику. Наряду с другими “избранными” Хрущев в свое время получил книгу Гитлера “Mein Kampf”, переведенную “для служебного пользования”, однако “не мог ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватало терпения, и я ее бросил недочитавши”⁴⁶.

Известно, что с 1937 г. в Политбюро существовала узкая группа, которой полагалось решать важнейшие вопросы, в том числе связанные с безопасностью страны, пользуясь при этом секретной информацией. В группу входили Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Ежов⁴⁷. Но даже члены этой узкой группы имели весьма отдаленное представление о реальной жизни Запада.

В свое время Чичерин предлагал Сталину: “как хорошо бы было, если бы Вы, товарищ Сталин, изменив наружность, поехали на некоторое время за границу с

переводчиком настоящим, не тенденциозным. Вы бы увидели действительность”⁴⁸. Но Сталин за границу не поехал.

Как вспоминал позднее Хрущев, к моменту смерти Сталина из высшего руководства “только Молотов был приобщен к контактам с представителями капиталистических государств”⁴⁹. Но в 30-х гг. и Молотов, бывший с 1930 г. Председателем Совнаркома, а с 1939 г. — наркомом иностранных дел, не был знатоком Запада. Напротив, как писал в Берлин весной 1940 г. немецкий посол фон Шуленбург, “Молотов, который пока никогда не был за границей, испытывает большие затруднения при общении с иностранцами”⁵⁰.

Что касается следующего уровня руководства, тут внешнеполитическая информация была еще более скудной. Существенную роль играло то, что подавляющее большинство лиц, входивших в политическую элиту 1930-х гг., не владели иностранными языками и, следовательно, не могли использовать иностранную прессу или сообщения радио. В 20-х гг. эти источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке. В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды на имя секретаря ЦК Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы (7 наименований); в частности, “Социалистический вестник” выписывали 240—300 ведомств и лиц. К тому же, большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ, до 500 экз.). Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 25 экз.⁵¹

В январе 1927 г. подписка на белоэмигрантскую прессу была запрещена⁵². Вместо эмигрантских изданий в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имеющих право на их получение, постоянно сокращалось⁵³. Постепенно различного рода обзоры и сводки “для служебного пользования” стали получать все большее распространение, однако их содержание зачастую мало чем отличалось от материалов, публикуемых советской прессой⁵⁴.

Неудивительно, что сущностной характеристикой советской политической элиты 1930-х гг. стало в лучшем случае недоверие к внешнему миру. Так, К. Е. Ворошилов на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. заявил: “Весь мир против нас”, и добавил, имея в виду “классовых врагов”: “количественно — это все, что не СССР, качественно — это все то, что не коммунист...”⁵⁵.

Постепенно уже факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики председатель КПК, впоследствии нарком внутренних дел Н. И. Ежов “сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей”⁵⁶. Выступая на февральско-мартовском Пленуме Л. М. Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: “Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие — плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них”⁵⁷. Все это вело к тому, что представления о Западе, в том числе и у наиболее информированной части советской политической элиты, становились все более далекими от реальности. Даже личные впечатления подвергались воздействию уже усвоенных внешнеполитических стереотипов. Так, в черновых, не предназначенных для печати, записях А. Я. Аросева о поездке в Англию можно найти утверждение, что положение рабочих там ужаснее, чем во времена Энгельса⁵⁸. А. С. Щербаков, возглавлявший в качестве секретаря Союза писателей советскую делегацию на Международном писательском конгрессе в 1935 г., в своих черновиках отмечал безработицу и нищету в Польше, Австрии, готовность австрийских безработных “взяться за оружие”, и т. д.⁵⁹

Массовые репрессии, обрушившиеся на политическую элиту в конце 30-х гг., привели к еще большему снижению ее интеллектуального потенциала. Как

отмечал в своем дневнике по поводу XVIII съезда партии весной 1939 г. выдающийся русский ученый В. И. Вернадский, “люди думают по трафаретам. Говорят, что нужно. Может быть, цензуровали? — но бездарность и при ее наличии. Это заставляет сомневаться в будущем большевистской партии. Во что она превратится?” И далее: “Резкое падение духовной силы коммунистической партии, ее явно более низкое умственное, моральное и идейное положение в окружающей среде, чем средний уровень моей среды — в ее широком проявлении — создает чувство неуверенности в прочности создавшегося положения”⁶⁰.

Снижение общего уровня советской политической элиты шло параллельно с ростом международной напряженности. Не соответствующие реальности внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в конце 20-х — 30-е гг., в полной мере проявили себя в кризисной ситуации 1939—1941 гг. и стали одной из важных причин внешнеполитических просчетов советского руководства.

* * *

В некотором отношении интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, даже в лучшем положении, чем политическая. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать радио. Так, в дневниках академика В. И. Вернадского постоянно содержатся упоминания о прочитанных им материалах западной прессы. “Получая каждый день кучу иностранных газет (а владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка”, — записывал в своем дневнике “красный профессор” А. Г. Соловьев, представитель уже нового поколения интеллектуальной элиты, работавший в 30-х гг. в Институте мирового хозяйства и мировой политики⁶¹.

Важное значение имела и привычка к аналитическому мышлению, тем более что значительную часть интеллектуальной элиты составляли представители старой интеллигенции, имевшие, как правило, солидное образование, большой запас знаний, представлений, внешнеполитических стереотипов, проверенных в свое время и личным опытом. Конечно, постепенно эти знания и представления устаревали, теряли связь с реальностью, а новая информация не всегда была адекватной.

Обычно именно интеллектуальная элита вырабатывает основные представления о внешнем мире, которые затем воспринимаются, адаптируются и используются политической элитой. В советской истории, однако, происходил скорее обратный процесс — интеллектуалы вынуждены были перенимать представления и установки политического руководства, причем часто — под сильным нажимом. Есть свидетельства, что многие представители старой интеллигенции сохраняли достаточно ясный и критический взгляд на мир⁶²; впрочем, на них также сказывалось огромное воздействие революции.

Выше цитировались критические оценки, содержащиеся в дневнике В. И. Вернадского. Но и он, анализируя происходящее, приходил к выводу, что “идейно и Франция, и Англия также мало выражают демократию, как и СССР, и, может быть, до известной степени Германия... Свободы мысли и личности больше у западных демократий — но социалистическое (и анархическое) отрицание правильности собственности на орудия производства не может быть отрицаемо в реальной демократии”⁶³.

Подобные высказывания в определенной мере подкреплялись реальностью. 30-е годы были не лучшими для стран Запада; заметно ухудшилось положение интеллигенции или, используя западный термин, “лиц свободных профессий”. В сложном положении оказалась наука. А. Я. Аросев, посетивший Англию одновременно с академиком И. П. Павловым, писал, что на последнего произвела большое впечатление безработица среди английских ученых⁶⁴. Нельзя не отметить, что исследования самого Павлова в СССР получали приоритетное финансирование.

Если даже такой представитель старой интеллигенции, как Вернадский, в свое время видный деятель кадетской партии и член Государственного совета в 1906—1911 гг., осознавая наличие в СССР “полицейского режима и террора”, одновременно подчеркивал, что “в идеологии положительное здесь”, что в “демократиях оно (т. е. положительное — А. Г.) проявляется не в тех группах, которые ведут и делают политику”⁶⁵, то в еще большей степени подобные взгляды были характерны для нового поколения интеллектуальной элиты, сформировавшегося уже после революции *. С самого начала их сознание было мифологизированным, образование догматическим и односторонним⁶⁶. Конечно, постепенно многие из них смогли преодолеть наиболее неадекватные стереотипы, хотя бы в области, связанной с их профессиональными интересами, но на это потребовалось длительное время.

В качестве примера можно привести известного советского писателя Вс. Вишневского. Он, как и Вернадский, имел возможность регулярно читать иностранную прессу и слушать радио, в его записных книжках содержатся многочисленные рассуждения о международной ситуации и перспективах ее развития **. Порой Вишневский приходит к интересным и неожиданным выводам, но характерно для него и иное. “Все время читаю иностранную прессу, книги о Европе. Хочется как можно глубже войти в суть европ[ейской] войны, разобраться в шансах сторон, наметить возможные варианты”. И тут же: “Курс ВКП(б) на стр. 317 дает освещение причин войны... Насильственные захваты указаны в Курсе ВКП(б)... Последние речи Молотова в новой обстановке, после изучения ряда документов и пр., дают указания на встречную агрессию со стороны Англии и Франции. Война эта — схватка главных конкурирующих мировых держав...” (запись от 4 апреля 1940 г.)⁶⁸.

Как уже отмечалось, для мифологизированного сознания вообще характерен глобальный взгляд на мир. Вот как видит ближайшее будущее Вишневский: “Классический мир „демократий” безусловно разрушается. Может быть, так и нужно: соединяются, централизуясь, огромные коллективы наций, размалывая „феодалное” дробление на мелкие страны. Еще шаг, останется 4—5 главнейших систем, еще шаг и в новых великих битвах исчезнут две, три; еще шаг (век, два) и мир станет универсальной организацией”. С этой точки зрения гибель 10 млн. людей в Первой мировой войне для Вишневского “ничтожная плата за сдвиги, за прогресс, за уничтожение неск[ольких] империй, за Октябрь, за прояснение сознания у народа” (запись от 17 апреля 1940 г.)⁶⁹.

Было бы упрощением сводить подобное восприятие мира к результатам воздействия марксистской идеологии. Конечно, она приучала мыслить “глобально”, “всемирно-исторически”, но приведенные рассуждения находятся, скорее, в русле своеобразной утопической геополитики. Сам Вишневский пишет об этом так: “Конечно, нам только кажется, что идет борьба классов. Идет и общечеловеческая сложная эволюция: это механизация, централизация общества, атеизация и пр. Мы хотим добиться решения гл[авных] проблем по своему образцу” (запись от 30 апреля 1940 г.)⁷⁰.

Представители и старого, и нового поколения интеллектуальной элиты сходились во взглядах там, где речь шла о государственных интересах России (СССР). Так, присоединение западных областей Украины и Белоруссии в 1939 г. одни рассматривали как возможность распространения социализма на новые территории, другие же — как восстановление законных границ и интересов России. В. И. Вернадский, в частности, записывал в октябре 1939 г.: “... политика Сталина — Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно русской”⁷¹.

Другой объединяющей темой была, несомненно, антифашистская, и в меньшей степени антинемецкая. Жива еще была память о Первой мировой войне, о

* Конечно, термин „элита” здесь, как и в предыдущих случаях, употребляется в чисто политологическом смысле.

** Пользуюсь случаем выразить благодарность В. А. Невежину за разрешение использовать материалы, подготовленные им к публикации.

германской интервенции 1918 г. Даже те, кто не являлся сторонником сталинской системы, рассматривали ее как меньшее зло по сравнению с гитлеровской. Это характерно для значительной части западной элиты, это характерно и для советского общества. Политическое руководство учитывало и использовало эти настроения; так, Н. И. Бухарин в заявлении для участников февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г. подчеркивал, что он “в свое время (говоря с глазу на глаз) сагитировал академика Ивана Петровича Павлова прежде всего на нашей внешней политике (и в значительной степени на антифашистских антигерманских тонах)”⁷².

* * *

Вопрос о существовании в СССР 30-х гг. “общественного мнения” — вопрос по меньшей мере дискуссионный. Правда, советское руководство любило порой на международных переговорах сослаться на него, но тем не менее правильнее было бы говорить не об “общественном мнении”, которое не могло сформироваться там, где не было условий для свободной дискуссии хотя бы в ограниченных рамках, а в лучшем случае об “общественных настроениях”. И все же общественность не могла не реагировать на происходящее в мире.

Слой “общественности”, включавший в себя и большую часть интеллигенции, лишенной доступа к альтернативным источникам информации, и слой низших партийных функционеров, и различного рода “актив”, служили своеобразным связующим звеном между политическим руководством и массами, инструментом “массовой мобилизации”. Уровень подготовки большинства представителей данной страты был невысок. Так, по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., среди руководителей районного и городского звена высшее образование имели 4%, а среднее 42, 3%; среди различных категорий интеллигенции высшее образование имели — от 15, 4% (писатели, журналисты, редакторы) до 5, 1% (“прочие работники искусства”). Особняком стояли научные работники и преподаватели вузов, среди которых высшее образование имели 84, 2%. Зато выделялась категория пропагандистов, в которой среднее образование имели 49%, а высшее — 7, 8%⁷³.

Как правило, основной вклад этой страты в формирование представлений о внешнем мире заключался в дальнейшем упрощении и без того уже упрощенных стереотипов. Именно они на бесчисленных митингах и собраниях составляли стандартные резолюции на международные темы, которые оказывались так разительно схожи в разных частях страны⁷⁴. Однако массы, которые по своему статусу и образу жизни мало отличались от этого слоя, именно у него заимствовали большую часть своих внешнеполитических представлений.

Одним из самых распространенных стереотипов было представление о “враждебном капиталистическом окружении”. Как вспоминал К. М. Симонов, “мы были предвоенным поколением, мы знали, что предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром — в какой форме, в какой коалиции, трудно было предсказать; нам угрожали даже непосредственные соседи...”⁷⁵. Известный британский славист Б. Пэрс, побывавший в СССР в 1935 г., записал высказывание случайного собеседника: “Я прошел две войны, — сказал мне старый солдат, — и теперь придется пройти еще одну; конечно, это будет Германия и Япония и, возможно, Польша, и, я бы сказал, очень вероятно, что Италия тоже...”⁷⁶. Представление о постоянной внешней угрозе порой трансформировалось в своеобразную ксенофобию. Тот же Симонов в поэме “Ледовое побоище”, написанной в 1937 и опубликованной в начале 1938 г., так (устаами Александра Невского) сформулировал отношение к иностранцам, в данном случае, немцам:

Они влезают к нам под кровлю,
За каждым прячутся кустом,
Где не с мечами — там с торговлей,
Где не с торговлей — там с крестом.

Иностранцы, посетившие СССР, постоянно отмечали у своих собеседников преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, остроте социально-экономического кризиса в капиталистических странах⁷⁸. Наряду с этим сохранялись и противоположные, столь же упрощенные стереотипы — представление о Западе как о счастливом, богатом мире, где решены все проблемы⁷⁹. Так, летом 1935 г. некий советский инженер в беседе с иностранным корреспондентом (по свидетельству переводчика ВОКС) доказывал, что “за границей, очевидно, очень хорошо живется и все баснословно дешево, т. к. наши русские, едущие туда в командировку и приезжающие обратно, все прекрасно одеты и даже привозят с собой велосипед и патефон!” Корреспондент, впрочем, попытался несколько рассеять эти иллюзии⁸⁰. О том, что отношение многих к США было позитивным и граничило с восхищением, ссылаясь на личные впечатления, писал Ф. Баргхорн, работавший в посольстве США в СССР⁸¹. Но этот позитивный образ Запада тускнел и терял свою притягательность, по крайней мере, в предвоенные годы, по мере воздействия пропаганды, стабилизации внутреннего положения и относительного роста уровня жизни, наконец, просто смены поколений.

Подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов — за ними, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными мифологемами. Одни из них прочно укоренились в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдаленное представление. Нелишне напомнить, что к 1939 г. грамотных в стране было 81, 2%, лиц со средним образованием — 7, 8%, с высшим — 0, 68%⁸².

Усилия режима по политизации и просвещению масс приносили свои плоды, но, как говорил в 1936 г. командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, значительную часть новобранцев последнего призыва составляли люди, “которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где Запад, где Восток, что такое социализм”⁸³. Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях реальный, хотя зачастую неудовлетворенный, интерес к международным событиям⁸⁴.

* * *

Подводя итоги, можно заметить, что на данном этапе речь может идти лишь об основных тенденциях в формировании внешнеполитических стереотипов. Если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937-м, во Франции — в 1939-м начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешней политики, в СССР ничего подобного не было. Сводки “о настроениях”, составленные ОГПУ или партийными органами, представляли собой достаточно случайные выборки, не дающие сколько-нибудь убедительной статистики, да и объективность их порой вызывает сомнения. Тем не менее можно прийти к предварительному выводу, что в сознании советского общества 30-х гг. складывалась неадекватная в целом картина внешнего мира, в первую очередь Запада.

Наиболее заметным искажением являлась распространенная во всех слоях советского общества недооценка уровня западной цивилизации, привлекательности ее ценностей, потенциальной способности капитализма к трансформации. С другой стороны, явно переоценивалась как степень готовности народных масс к революции, так и степень враждебности правящих кругов Запада к СССР.

Конечно, это только предварительные выводы. Необходимы новые конкретно-исторические исследования в этом направлении и их теоретическое осмысление. Дальнейшая разработка данной проблематики открывает перспективы для изучения еще более важной проблемы — особенностей и роли массового сознания в новейшей, в том числе российской, истории.

Примечания

¹ Общие проблемы, связанные с механизмами формирования внешнеполитических представлений, рассматривались в книге Л. А. Зак “Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы” (М., 1976). В конкретно-историческом аспекте эта проблема исследовалась в монографии Н. А. Ерофеева “Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг.” (М., 1982).

² Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Менталитет советского общества и “холодная война” (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6; Невежин В. А. Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939—1941 годов // Преподавание истории в школе. 1994. № 5; его же. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8; Нежинский Л. Н., Челышев И. А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы “холодной войны” // Отечественная история. 1995. № 1; Поздеева Л. В. Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941—1944 гг.) // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992; Позняков В. В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939—1945 гг. // Там же и др.

³ Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Указ. соч. С. 63.

⁴ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945—1964. М., 1993; Сенявская Е. С. 1941—1945. Фронтное поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995.

⁵ Так, С. В. Чугров выделяет в современном сознании три слоя мифологем: архетипы, или остатки древнейших мифов; мифы, сформировавшиеся в сознании того или иного этноса по ходу его истории; современные мифологемы. См.: Чугров С. В. Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1. С. 45.

⁶ Подробнее см.: Голубев А. В. Мифологическое сознание в политической истории XX века // Человек и его время. М., 1991.

⁷ См. об этом: Элиаде М. Космос и история. М., 1987; Пивовар В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991; Голубев А. В. Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994.

⁸ Цит. по: Васильева Т. Е. Стереотипы в общественном сознании (Социально-философские аспекты). М., 1989. С. 14.

⁹ Подробнее см.: Борисов Ю. С., Голубев А. В. Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. 1992. № 14.

¹⁰ РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 1.

¹¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

¹² “Социализм — это рай на земле”. Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М., 1993. С. 212.

¹³ Чугров С. В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 40.

¹⁴ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 444, л. 114.

¹⁵ Подробнее см.: Голубев А. В. Формирование образа внешнего мира в СССР 1930-х годов // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994.

¹⁶ Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. 1933—1939. L., 1984. P. 233.

¹⁷ См.: Высочина Т. Е. К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствоведение на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 96—97.

¹⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 345, л. 50.

¹⁹ Лельчук В. С., Пивовар Е. И. Указ. соч. С. 75.

²⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 11, л. 39. См. также: Невежин В. А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 29.

²¹ РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 998, л. 46.

²² Рохлин Я. Г. Как научиться играть в шахматы. М.; Л., 1932. С. 6.

²³ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) (Далее — XVIII съезд ВКП(б)): Стеногр. отчет. М., 1934. С. 9—10.

²⁴ Там же. С. И.

²⁵ Сталин И. В. Сочинения. М., 1947. Т. 7. С. 282.

²⁶ XVII съезд ВКП(б). С. 8.

²⁷ Айрапетян М. Е. Этапы внешней политики СССР (1917—1941). М., 1941. С. 93.

²⁸ Валентинов Н. Наследники Ленина. М., 1991. С. 170.

²⁹ Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников: Стеногр. отчет. М.; Л., 1933. С. 276.

³⁰ ГА РФ, ф. 5283, оп. 1, д. 358, л. 48.

³¹ Никитин В., Русаковский Е. Техника в СССР // Большевик. 1941. № 9. С. 29.

³² Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 80.

³³ XVII съезд ВКП(б). С. 307—308.

³⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 211.

³⁵ См.: Невежин В. А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8.

³⁶ Егорова-Гантман Е., Плешаков К. Концепции образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 25.

³⁷ По подсчетам западных социологов, речь может идти примерно о 4—5% населения.

- ³⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 87.
- ³⁹ Там же. С. 149. Зато прагматизм, вообще характерный для политических элит других стран, вызывал у советских представителей критические оценки. Так, А. Я. Аросев, видный советский дипломат, после приема у леди Астор в Англии в июле 1935 г. записал в дневнике: “Они делают политику без крупицы идеи, как повар варит суп и соображает, какие лучше специи положить”. Цит. по: Аросев А. А. След на земле. М., 1987. С. 232.
- ⁴⁰ Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 121.
- ⁴¹ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия//Вопросы истории. 1993. № 7. С. 31.
- ⁴² Цит. по: Кронштадская трагедия 1921 года//Вопросы истории. 1994. № 6. С. 28.
- ⁴³ Цит. по: Соколов В. В. Неизвестный Г. В. Чичерин//Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 14.
- ⁴⁴ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 78. Высшее руководство отдавало себе отчет в том, что необходима ускоренная подготовка кадров, однако упор при этом делался отнюдь не на профессиональное обучение. Например, в июне 1930 г. Секретариат ЦК утвердил положение об организации годичных курсов для подготовки руководящих работников Наркомата иностранных дел. При этом от кандидатов требовался партстаж не менее 10 лет, желательно — рабочее происхождение и опыт руководящей партийно-советской работы областного масштаба. Образование или знание иностранных языков в расчет вообще не принимались. См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 373, л. 161.
- ⁴⁵ Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Указ. соч. С. 33.
- ⁴⁶ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1990. № 7. С. 80. Впрочем, в этом Хрущев был не одинок. Как вспоминал генерал армии М. А. Гареев, видные работники Генерального штаба ему признавались, что никогда полностью не читали и не принимали всерьез рассуждений фюрера в этой книге. См.: Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 20.
- ⁴⁷ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 234—235.
- ⁴⁸ Цит. по: Соколов В. В. Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева//Вопросы истории. 1994. № 8. С. 76.
- ⁵⁰ Цит. по: Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939—1941 гг. М., 1991. С. 143.
- ⁵¹ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 171, л. 37—38.
- ⁵² Там же, д. 551, л. 143.
- ⁵³ Так, заместитель заведующего информационным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л. М. Кагановича перечислил 36 парткомов и 4 другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Составитель записки, однако, рекомендовал рассылать обзор лишь в 16 парткомов и 3 организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович, или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка 5 парткомов и 2 организации. Таким образом количество адресатов сократилось с 40 до 12. (Там же, л. 2)
- ⁵⁴ Например, в закрытых (они готовились ежедневно в количестве всего 24 экз.) информационных сводках Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, в частности, за май—июнь 1935 г., основное место занимали краткие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях “кризиса капитализма” и нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные сообщения о новостях культурной жизни. Никаких статей или сообщений, критически оценивавших советскую действительность, или хотя бы существенно дополнявших сообщения советской прессы, по крайней мере в данных сводках, нет. См.: РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 588.
- ⁵⁵ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года//Вопросы истории. 1994. № 8. С. 15.
- ⁵⁶ Соловьев А. Г. Тетради красного профессора. 1912—1941 гг. //Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С. 178.
- ⁵⁷ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года//Вопросы истории. 1993. № 9. С. 26—27.
- ⁵⁸ ГА РФ, ф. 5283, оп. 1, д. 382, л. 102.
- ⁵⁹ РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 467, л. 1—4.
- ⁶⁰ Вернадский В. И. Дневник 1939 г. //Дружба народов. 1992. № 11 — 12. С. 21—22.
- ⁶¹ Соловьев А. Г. Указ. соч. С. 187.
- ⁶² См., напр., переписку И. П. Павлова и В. М. Молотова: Самойлов В., Виноградов Ю. Иван Павлов и Николай Бухарин. От конфликта к дружбе//Звезда. 1989. № 10. С. 112—114.
- ⁶³ Вернадский В. И. Указ. соч. С. 32.
- ⁶⁴ ГА РФ, ф. 5283, оп. 1, д. 382, л. 102.
- ⁶⁵ Вернадский В. И. Указ. соч. С. 26.
- ⁶⁶ Так, в Институте красной профессуры слушатели изучали три иностранных языка, латынь, читали новейшую литературу, но особое внимание уделялось работам основоположников марксизма. “ИКП скорее был похож на бюрократизированный марксистский кружок, чем на высшую школу”, — замечает современный исследователь. См.: Батыгин Г. С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов)//Вестник АН СССР. 1991. 810. С. 95.
- ⁶⁷ Этот процесс, в частности, пыталась воспроизвести в своих воспоминаниях Р. Д. Орлова. См.: Орлова Р. Д. Воспоминания о непростом времени. М., 1993.

⁶⁸ РГАЛИ, ф. 1038, оп. 1, д. 2077, л. 30. Речь в данном случае идет о пресловутом “Кратком курсе истории ВКП(б)”. Подобные ссылки на партийные документы и мнение “вождей” можно найти и в уже цитировавшихся записях А. Г. Соловьева.

⁶⁹ Там же, л. 45—45 об.

⁷⁰ Там же, л. 46.

⁷¹ Вернадский В. И. Указ. соч. С. 25.

⁷² Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года//Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 12.

⁷³ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 136, 138, 139.

⁷⁴ Можно сравнить, например, резолюции, принятые по разным поводам в Луганском округе в 1929 г. и в Орловском округе в 1927 г. См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 85, д. 359; Государственный архив Орловской области (ГА ОО), ф. П-1, оп. 1, д. 2014.

⁷⁵ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 75.

⁷⁶ P a g e s M. Moscow Admits a Critic. L., 1936. P. 36.

⁷⁷ Симонов К. М. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1979. Т. 1. С. 367.

⁷⁸ Об этом писали, например, А. Жид и Л. Фейхтвангер. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 79—81, 172, 221 и др.

⁷⁹ Позитивный образ Запада становился особенно ярким тогда, когда с ним непосредственно знакомились значительные массы россиян. Это произошло, например, во время заграничного похода русской армии в 1813 г., а также в годы Первой мировой войны.

⁸⁰ ГА РФ, ф. 5283, оп. 3, д. 501, л. 107.

⁸¹ B a r g h o r n F. C. The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N. Y., 1969. P. 35.

⁸² Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 39, 49.

⁸³ У б о р е в и ч И. П. Два очага опасности//Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 43.

⁸⁴ См., напр.: ГА ОО, ф. П-1, оп. 3, д. ПО, л. 4. об.; оп. 1, д. 1882, л. 94, 121 и др.